

С.2-3
ПАНОРАМА СОБЫТИЙ

С.4
МАРСЕЛЬ ПРУСТ И РОССИЯ
(к выходу книги д.ф.н.,
профессора А.Н. Таганова)

ИВАНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Газета Ивановского государственного университета

Февраль 2014

*Ректорат Ивановского
государственного университета
сердечно поздравляет Вас,
милые женщины, с замечательным
праздником Весны!*

*Желаем Вам счастья, улыбок,
весеннего настроения, крепкого
здоровья.*

*Пусть удача и благополучие всегда
сопутствуют Вам, вселяют новые
надежды, дают новые возможности, а
весеннее пробуждение природы дарит
Вам только радостные минуты.
Пусть в Вашей душе всегда царит
весна!*

Марта

Музыкальные страсти

С.5

Зажигаем не по-зимнему

С.6

Масленица как она есть

С.7

ПРО АПЕЛЬСИН

Наступила весна. А значит, и марафон «Ты нам нужен» начинает творить добро.

Ректор ИвГУ Владимир Николаевич Егоров в честь 40-летия университета подарил всем студентам бесплатные билеты в театр на спектакль «Сон в летнюю ночь». Именно в фойе театра драмы и был дан старт акции в нашем вузе. На открытие прибыл и глава города Иванова В.М. Сверчков, который не только агитировал всех принять участие, но и вспомнил, как наш университет помог Андрею Воронину (собранные средства пошли на операцию). В этом году мы не отойдем от традиции и вновь поможем Андрею.

После торжественных речей зрители спешили поделиться добром и опускали денежку в аппарат. Наталья Попова (куратор волонтерского движения): «По два человека за каждым апельсинометром, которые зазывают людей. Каждому опустившему денежку мы даем значок, магнитик или просто апельсинку. Пока у нас значки с прошлогодним логотипом, потому что марафон стартует только 22 марта, а мы открываем раньше всех».

На спектакль собралось большое количество людей, и это не только студенты. Все, кто в этот день пришел, решили помочь детям с ограниченными возможностями, ведь добро совершается просто так.

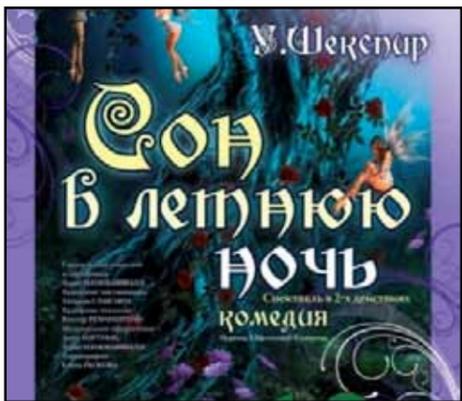
*Алина Саянкина
(пресс-центр ИвГУ)*

Выставка "Япония. Бумагия. Искусство"

3 марта в читальном зале открыта выставка «Япония. Бумагия. Искусство». На выставке представлены книги о Японии из читального зала и абонемента, тексты и фотографии об искусстве нецке, суми-э, укие-э, оригами. Доминантные экспонаты выставки – авторские работы художника ИвГУ Татьяны Прыгуновой – кусудамы. Шары из сложных бумажных элементов отличают чистота исполнения, изысканная колористическая гамма, разнообразие форм. Кусудамы в японской картине мира – пожелание здоровья. Эта выставка – маленький подарок всем женщинам университета к весеннему празднику 8 марта.

Традиционно в конце декабря наш ректор В.Н. Егоров предоставляет возможность студентам, сотрудникам и преподавателям университета посетить один из спектаклей Ивановского драматического или музыкального театров. Однако в этом году, в связи с торжественными мероприятиями, приуроченными к 40-летию юбилею нашего вуза, посещение театра было перенесено на февраль.

26 февраля мы посетили Ивановский драматический театр, спектакль «Сон в летнюю ночь».

«Сон в летнюю ночь» – одна из самых популярных пьес Шекспира. Эта история происходит в летнюю ночь накануне бракосочетания правителей и включает различные сюжетные линии, такие как перипетии молодых влюбленных, споры богов и представление ремесленников. Все эти компоненты соединены в единое цельное повествование.

Постановка нашего Ивановского драматического театра, одновременно следующая традиционным канонам, но и находящая любопытные ходы, вызвала положительный отклик у собравшейся публики.

Студенты, преподаватели и сотрудники каждый год с радостью посещают Ивановский театр и благодарны ректору за такую возможность собираться всем вместе на интересном спектакле!

На биохиме появился новый УМНИК!

18-19 февраля в Ярославле прошел финальный тур молодежного межрегионального научно-инновационного конкурса «УМНИК-2014». В конкурсе приняли участие более 100 человек из 10 вузов Иванова и Ярославля. Честь нашего университета в номинации «Современные материалы и технологии их создания» на этом конкурсе отстаивал аспирант кафедры органической и физической химии Калмыков Павел Алексеевич с проектом «Разработка катализаторов гидродегаллоидирования на основе наноалмазов и металлов платиновой группы». Исследование процесса каталитического гидродегаллоидирования и использование полученной информации для разработки промышленной технологии утилизации галогенорганических соединений является актуальной и важной экологической задачей, т.к. в настоящее время основным способом утилизации этих опасных веществ является сжигание или захоронение, однако в случае сжигания порой образуются еще более вредные вещества, например, диоксины, а места захоронения со временем могут быть разрушены и находящиеся в них химикаты попадут в воду, почву, воздух. Альтернативным экологически безопасным методом утилизации галогенорганики является каталитическое гидродегаллоидирование в присутствии благородных металлов (Pd, Pt), которое позволяет получить ценные продукты из галогенорганических отходов, однако его развитие сдерживается высокой стоимостью и низкой стабильностью имеющихся катализаторов. В работе Калмыкова П.А. планируется использовать в качестве подложки для металлов платиновой группы наноалмазы.

Свой научный проект наш аспирант представил на областном (отборочном) туре конкурса «УМНИК» в начале февраля 2014 г. и, как победитель, прошел в финальный тур. К участникам финального тура конкурса предъявлялись высокие требования. Они должны были правильно оценивать существующий в мире уровень науки и техники в области использования своей идеи; анализировать наличие конкурентов или аналогичных решений; видеть риски на пути превращения идеи в продукт; правильно представлять пути и способы защиты своих прав (в том числе, на интеллектуальную собственность); иметь достаточную научную квалифика-

цию, а также способность принимать организационные решения. Со всеми этими требованиями Павел справился успешно и стал заслуженным обладателем «УМНИКа» и бонуса в размере 400 000 рублей на развитие своего проекта.

Следует отметить, что Калмыков П.А. стал вторым УМНИКом биохима. Первым – в 2009 году – была аспирант кафедры органической и биологической химии Наталья Александровна Магдалинова. Научным руководителем обоих УМНИКов является декан биолого-химического факультета, заведующий кафедрой органической и физической химии д.х.н., проф. Михаил Васильевич Ключев.

Победа сборной команды ИвГУ по аэробике в Спартакиаде вузов

Поздравляем сборную команду ИвГУ по аэробике с победой в Спартакиаде вузов Ивановской области:

Васильеву Александру (экономический факультет);
Сальникову Марину (экономический факультет);
Валееву Яну (аспирант ШФ ИвГУ);
Завацкую Ингу (юридический факультет);
Малышеву Анну (социолого-психологический факультет);
Забалуеву Ольгу (экономический факультет);

тренеров команды:

доцента кафедры ФК и БЖД, мастера спорта СССР
Золотову Татьяну Александровну
старшего преподавателя кафедры ФК и БЖД,
мастера спорта СССР, тренера высшей категории
Терёшину Наталью Юрьевну

Небывалый успех ИвГУ в ЛЫЖНЫХ ГОНКАХ

18-19 февраля 2014 года в г. Кохма стадион «Рекорд», прошли соревнования по лыжному спорту в рамках Спартакиады учебных заведений высшего профессионального образования Ивановской области.

Сборная команда ИвГУ по лыжным гонкам, показала отличный результат.

Женщины (лыжная эстафета) – 1 место;
Мужчины (лыжная эстафета) – 3 место;
Женщины (командный зачет) – 1 место;
Мужчины (командный зачет) – 3 место.

Спартакиада преподавателей и сотрудников 2014 года

С 4 февраля проходила спартакиада преподавателей и сотрудников по видам спорта: настольный теннис, шахматы, лыжи, волейбол, бадминтон, семейные старты.

Победители:

1. Настольный теннис:

Мужчины:

1 место – Басюк Андрей Валентинович (зав. сектора УИКТ)
2 место – Серов Сергей Юрьевич (инженер АХО)
3 место – Мухортов Юрий Алексеевич (кафедра физической культуры и БЖД)

Женщины:

1 место – Кормилицына Наталья Кирилловна (кафедра общей биологии)
2 место – Бригаднава Лидия Геннадьевна (директор библиотеки)

2. Бадминтон

Мужчины:

1 место – Волков Алексей Владимирович (нач. отдела тестирования)
2 место – Бороденков Павел Андреевич (центр тестирования)

Женщины:

1 место – Кормилицына Наталья Кирилловна (кафедра общей биологии)
2 место – Прыгунова Татьяна Михайловна (художник университета)
3 место – Латкова Ирина Борисовна (зав. отделом библиотеки)
4 место – Семенова Татьяна Евгеньевна (каф. немецкой филологии РГФ)

3. Волейбол

1 место - каф.УИКТ
2 место – команда преподавателей био-хим ф-та

4. Шахматы

1 место – Масляков Юрий Иванович (кафедра мат. анализа и геометрии)
2 место – Бреславский Вадим Иванович (эконом. ф-тет, инженер)

5. Лыжи

Мужчины:

1 место – Бороденков Павел Андреевич (центр тестирования)

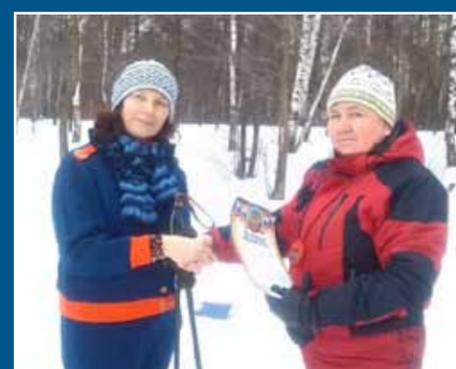
Женщины:

1 место – Кормилицына Наталья Кирилловна (кафедра общей биологии)
2 место - Латкова Ирина Борисовна (зав. отделом библиотеки)
3 место - Даренычева Елена Васильевна (зам. нач. отдела гос. УИКТ)

5. Семейные старты

1 место – семья Латковой Ирины Борисовны (зав.отделом библиотеки)
2 место-семья Пырэу Дмитрия Федоровича (доц. каф. неорганической и аналитической химии)
3 место – семья Морозовой Ларисы Витальевны (нач. отдела гос. ОУИК)
4 место – семья Пивцаевой Юлии Евгеньевны (зам. нач.отдела гос.ОУИК)

Постоянный лидер нашей спартакиады - Кормилицына Наталья Кирилловна (преподаватель кафедры общей биологии и физиологии, доцент).

НЕ ЗРЯ УТРАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

В издательстве «Ивановский государственный университет» вышла долгожданная книга доктора филологических наук, профессора кафедры зарубежной литературы Александра Николаевича Таганова «Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920 – 50-е годы)». Мы побеседовали с ее автором.

Вы писали докторскую диссертацию по эстетике М. Пруста и вот сейчас поворачиваете нам творчество этого французского (и мирового) классика под другим углом - в виде отражения в нашем собственном, российском и советском, зеркале. Такая «краеугольность» и многогранность Пруста для Вас больше обусловлена величиной данной фигуры или некими «correspondances» между прустовским видением и некоей сущностью вещей для Вас самих? Иными словами - есть ли в этом научном интересе к Прусту что-то лично-философское, лично-эстетическое?

Книга, собственно, не столько о Прусте, сколько о некоторых любопытных явлениях, проявившихся в первой половине 20-го века в русской литературе. В литературном процессе есть особые точки (я их называю художественными силовыми полюсами), которые создают своеобразное эстетическое напряжение культурного пространства (или поля) и задают магистральные тенденции развития. Поскольку на сегодняшний день творчество Пруста признано художественной величиной постоянной, весьма любопытным и продуктивным представляется сопоставление его творческого наследия с другими художественными явлениями, что зачастую позволяет выявить их масштаб и уточнить эстетическую ценность. Книга писалась довольно долго, начиная с 1991 года (во время работы над докторской диссертацией), складывалась по мере того, как открывались новые возможности в освоении ранее недоступной информации. Некоторые результаты книги оказались довольно неожиданными. Поначалу казалось, что Пруст довольно далек от русской литературы, а обращения к его книгам единичны. Потом стали открываться самые неожиданные факты проявления внимания к его творчеству: Пруст и Шаламов, Платонов, Баркова, Ремизов, Бунин, Цветаева... Конечно, я далек от обязательного намерения вывести все эти художественные явления из Пруста, найти в них его влияние. Такой подход был бы слишком примитивным и не отвечающим реальному положению дел. Во всех указанных случаях речь идет об особом взаимодействии различных художественных миров, очень часто – об узнавании своего художественного «я» в другом «я». Отсюда реакции, скажем, Бунина, Пастернака и других на произведение Пруста: боюсь читать – так близко! В этой связи точнее было бы говорить не о влиянии Пруста, а о том, что он помог многим писателям обрести самих себя как творческую личность. Что касается моего личного восприятия, Пруст, может быть, также интересен прежде всего не тем, что он рассказывает о себе, а тем, что он помогает каждому человеку (при его желании) задуматься над приоритетами, понять важность его внутренней жизни относительно суеты расхожей повседневности и обрести свое «утраченное время».

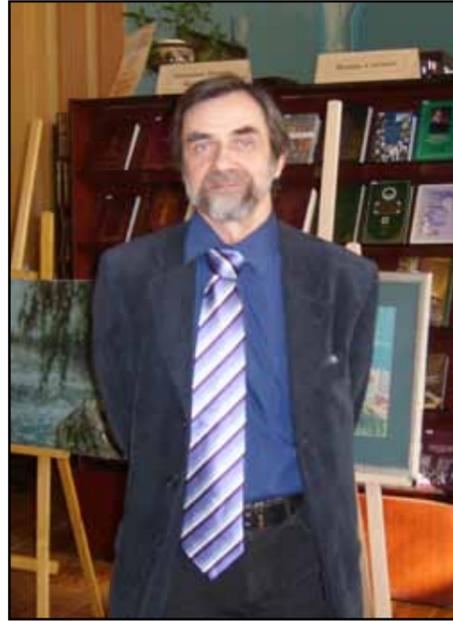
Существует ли специфическая «русская тема» в творчестве Пруста и если да, то с чем она связана?

«Русская тема» интересовала Пруста и развивалась, с одной стороны, в русле традиционных для французской культуры стереотипов, заданных во многом знаменитой книгой де Вогюэ «Русский роман», где выведен образ загадочной восточной души, живущей по не всегда понятным европейцу законам. Эта тенденция проявляется, например, в образе княгини Щербатовой из романа «В поисках утраченного времени» - натуры замкнутой, одинокой, стремящейся к обособлению и в то же время тоскующей по общению.

С другой стороны, у русских писателей, прежде всего у Толстого и Достоевского, Пруст находил нечто созвучное своим собственным взглядам на взаимосвязь искусства и жизни. Французского писателя при этом привлекает вовсе не национальная или социальная специфика, а своеобразная «монотония» – проявляющаяся в особой повторяемости фрагментов, персонажей, образов, деталей внутренняя творческая установка на постижение универсальных законов бытия через индивидуальный опыт, напряженное внимание к «удивительно глубоким колодцам», которые он находил у Достоевского и Толстого и в которые сам стремился проникнуть. В результате понятие «русское» у Пруста приобретает космополитический оттенок, смыкается с понятиями «внутреннее», «глубинное», «жизненное». В этой связи можно вспомнить прустовскую теорию «единого творческого гения», который, «в сущности, испокон веков один и чья прерывистая, но столь же долгая, как у человечества, жизнь» порождает слаженный хор голосов.

Насколько актуальным было творчество «буржуазного модерниста» Пруста для советского литературного сознания?

Опыт восприятия Пруста советской литературой представляется весьма интересным, драматичным и поучительным. Всё начинается с весьма пиететного отношения в 20-е годы. Здесь признается безусловно новаторский вклад Пруста в развитие литературы, новое слово в понимании человеческой личности (изображение «текучести психики» - Б.А. Грифцов, и при этой конкретности, по мнению В.В. Вейдле, – «надвременность», общечеловеческое содержание, универсализм). Однако по мере идеологизации отношения к литературе в СССР восприятие Пруста менялось. Так, в 1933 году А.В. Луначарский уже называет Пруста «отчаяннейшим и подлейшим снобом» с «отвратительной лакейской психологией», а далее в литературно-критических трудах возникает устойчивая аксиологическая схема: писатель «генетически связан с французским паразитарным буржуазным рантьерством», дает «характерный образчик рантьерского ответвления империалистического стиля», поэтизирует деньги и обрекает себя на художественный

распад. А.А.В. Македонов, обвинив Пруста в проповеди мистики и борьбе с разумом, и вовсе объявляет его предшественником идеологии фашизма.

На творчество Пруста в СССР в сталинские годы весьма сдержанно реагировали не только идеологизированные критики, но и выдающиеся писатели, классики модернизма Андрей Белый и Андрей Платонов... Можно ли здесь говорить о непонимании - или речь идет о роковом несовпадении художественной оптики, эстетических и житнетворческих стратегий?

Удивительно, что подобную точку зрения мы находим и у Платонова. Парадокс, что негативно или, по крайней мере, настороженно к Прусту в эти годы относятся не только «официальные», «идеологизированные» писатели (Горький, например), но и, казалось бы, по духу, по вниманию к «внутреннему человеку», по стилю близкие к нему литераторы. Так, Ю. Олеша, ощущая в себе конфликтное присутствие разных «я» - внешнего и внутреннего, - о которых постоянно говорил Пруст, тем не менее в духе современной ему литературной идеологии жаждет искать не «утраченное время», а современность и будущее. А. Белый «пугался психологизма Пруста» и отзывался об одном из прустовских романов: «Это бормашина какая-то». А. Платонов, в отдельных случаях просто близкий Прусту по писательской манере, в своих критических откликах игнорирует художественный язык Пруста и сравнивает его героев с «травяной былинкой и засохшим корнем» и фактически обвиняет в умалении, дискредитации человека (опять-таки удобным для идеологии фашизма).

В каждом случае такой реакции, очевидно, свой комплекс причин – не только идеология, но и дух эпохи и вихрь времени, захватывающий творца в свой круговорот и диктующий ему свои ценности. В этой ситуации – изнутри – всегда сложно расставить акценты между сиюминутным, актуальным, насущным и вечным, общечеловеческим. Во всяком случае, интимно-личностная тональность произведений Пруста на фоне времени многим представлялась неактуальной.

В чем своеобразие «гулаговского» опыта постижения Пруста? Аутентичен ли он оригиналу?

«Гулаговское постижение» тоже парадоксально. Казалось бы, что общего между эстетом, снобом, живущим обретением прошлого, и гулаговскими

бунтарями духа, испытывающими постоянные физические и моральные мучения в настоящем? И вместе с тем общее открывается. У В. Шаламова есть рассказ «Марсель Пруст». Шаламов в полной мере осознает специфику прустовских книг, их неуместность для советского литературного сознания – и сам строит текст по прустовскому рецепту, поскольку «перед памятью, как перед смертью, - все равны, и право автора запомнить платье прислуги и забыть драгоценность госпожи». Прочитанный прустовский роман становится лишь предлогом для собственных воспоминаний – но это предлог, определяющий архитектуру рассказа. И не только. «Пруст был дорожке сна» еще и потому, что лагерный барак и комната-камера Пруста – типологически близкие хронотопы. Режим, запреты, несвобода, приговор ограничивают внешнее, но побуждают к преодолению границ через воспоминание – обостренное, болезненное, чувственно оголенное, порождающее по ассоциации новые реминисценции.

С чем, на Ваш взгляд, в большей степени связана неоднозначность восприятия Пруста, некая парадоксальная отчужденность (при констатации заслуг), нередко даже у больших писателей?

Как правило, большие писатели, если не испытывают симпатии к Прусту, то, по крайней мере, признают его значительность. Творчество – процесс зачастую труднообъяснимый, в нем необходимо учитывать разные факторы. (Почему, например, Толстой не принимал Шекспира?). Порой личностное восприятие невозможно объяснить однозначно. Любопытный пример – Набоков. В ранний период довольно сдержанно относится к Прусту, в зрелый – пародирует его, но упоминания Пруста назойливо присутствуют всегда, и посвящает ему одну из лекций. Думается, он все же находится под очарованием Пруста и вместе с тем через пародию стремится освободиться от него. При обилии упоминаний Пруста и аллюзий на его произведение Набоков болезненно относился к любым попыткам вывести его собственную художественную манеру из кого бы то ни было и подчеркивал свою самобытность. Видимо, отсюда и пародийный отклик на Пруста в образах героев-писателей Годунова-Чердынцова и Зегелькранда.

Сама значительность фигуры Пруста для всей мировой литературы обуславливает и «притяжения» без «отталкивания», также нередкие у русских писателей. Достаточно в этой связи вспомнить хотя бы ахматовскую фразу о трех китах, на которых покоится век (Пруст, Джойс и Кафка) или замечательное высказывание И. Бродского (интервью 1990-го года): «Будь у меня сейчас какая-то власть, я заставил бы все «Правды» и «Известия» печатать Пруста, чтобы его мог прочесть каждый».

Спасибо за такое обстоятельное освещение весьма интересной проблематики. А специально для читателей от себя добавлю, что актуальность самой что ни на есть лично-интимной словесности – это и помещение себя в мир как его, мира, внутреннего зеркала. Зеркала, которое не обманешь. В этом смысле Пруст - всегдашний наш современник и, может быть, сейчас даже больше, чем пару десятков лет назад, ибо, по словам того же Бродского, занимался «клаустрофобической версией времени»...

Беседовал Дмитрий Лакербай

«И ЭТО ВРЕМЯ НАЗЫВАЕТСЯ – ВЕСНА!..»

Вы слышите эти звуки? Вокруг шумит весенний лес, журчит талая вода, и вы испытываете легкое головокружение от запаха первых цветов... Да, вы - далеко-далеко, где-то там, за пределами тесного концертного зала, в волшебной стране грез и воспоминаний, навеваемых звуками старого романса...

В преддверии долгожданного праздника новорожденной весны - 8 Марта, замечательный подарок сделало руководство Ивановского государственного университета дорогим женщинам - сотрудницам, коллегам, студенткам нашего родного «дома науки». В рамках проекта «Студенческая филармония» прошел душевный вечер русского романса.

Хорошее настроение — вещь незаменимая, поэтому не только приобрести, но и сохранить его необычайно важно. А что может сделать это лучше старой доброй песни? Романтическая история, порой авантюрный сюжет, искренние переживания, одним словом — это весна! Все, кто посетили музыкально-поэтический вечер, с трепетом вспомнили волнение первой любви, будто вновь посмотрели знаменитые кинокартины «Сердца четырех» и «Жестокий романс», прогнали невеселье и угрюмство, напевая «Улетай, туча!», и успели даже покачаться на волнах вместе

с влюбленным «Паромщиком».

Рыдала от счастья гитара, цыганские мотивы одолевали своей страстностью, а авторские песни подкупали легкостью и непринужденностью. Вот уж, действительно, весна — время цветов, подарков и сюрпризов! Хотя, конечно, каждый воспринимал романс по-своему.

Вероника Волкова, студентка 4 курса филологического факультета: «Я будто про-

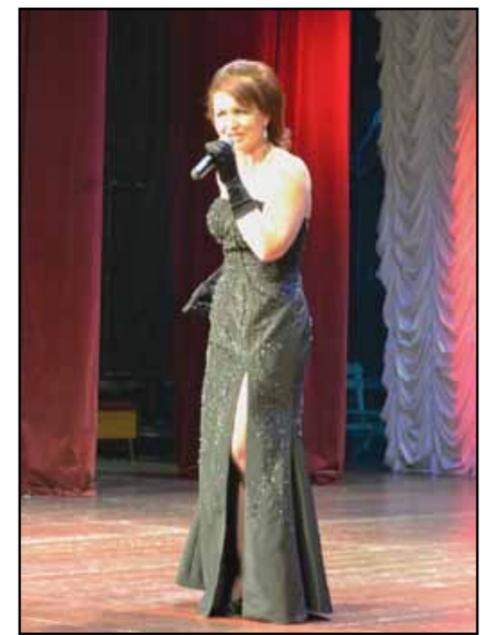
сматривала своё прошлое, как киноленту. Звуки романса создали атмосферу светлой грусти... Так захотелось что-то изменить, возможно, исправить глупые ошибки, попросить прощения у близких, рассказать им, как сильно ты их любишь».

Вика Швайбович, студентка 4 курса факультета романо-германской филологии: «Я испытывала двойное чувство — воодушевление от удивительных созвучий и

радость от того, как люди вокруг меня наслаждаются прекрасной музыкой родного русского романса».

Вика сопровождала на концерт группу иностранных студентов из Германии, которые рассказали, что они оценили не только красоту сильных голосов исполнителей, но и их замысловатые эстрадные костюмы. Как же замечательно, что немного весеннего тепла и русского романса организаторы и участники концерта подарили и нашим немецким друзьям!

Наслаждалась романсами – Дарья Соловьёва

Разбавив учебные будни, 19-го февраля в актовом зале 1-го корпуса Ивановского государственного университета прошел Вечер гитарной музыки и поэзии. Гостем вечера был выпускник английского отделения 1984 года Сергей Гришков. Встреча состоялась по инициативе заместителя декана факультета РГФ Н.В. Кустовой и посвящалась 40-летнему юбилею ИвГУ.

Концерт был не очень большой по масштабам, но важный по значению для многих присутствующих в зале. На встрече собрались университетские преподаватели Сергея, его однокурсники, друзья-однокурсники и, конечно, студенты факультета. Послушать душевные песни и стихи пришли также родные Сергея и руководитель ансамбля «Молодость», в котором он когда-то танцевал долгое время.

Я знала, чего ждать от этого выступления — великолепной музыки, берущих за душу слов и безграничного уважения зрителей. Мои ожидания оправдались. Надеюсь, что не только мои.

Музыкальный вечер прошел в тёплой, дружеской обстановке. Спокойная музыка, приятный голос... Чего же еще так не хватает в февральский вечер, когда на улице всё ещё морозно, падает снег, а душа просит тепла? Зал был наполнен звуками приятной живой гитарной музыки, теплыми стихами. Сергей исполнил собственные и широко известные композиции. Поэтому, естественно, организованное мероприятие прошло на «ура». Строки стихов трогали душу,

заставляя окунуться в свои мысли, задуматься о том, как мы живем.

Для меня было поразительным то, что в качестве предисловия к каждой песне автор читал свои собственные стихи, которые настраивали зрителей на то, о чем будет следующая композиция. Также очень интересно было услышать песни на иностранных языках: английском, немецком и французском. Как оказалось, кроме них Сергей владеет еще несколькими, а именно испанским, польским, шведским и использует их как в своей работе, так и в творческой деятельности. Меня очень тронуло, что Сергей был настолько открыт публике. На протяжении всего концерта он рассказывал истории из личного опыта, связанные с созданием тех или иных песен и стихов.

Все присутствующие оказали теплый прием гостю и в продолжении всего вечера дарили ему искренние аплодисменты, а после концерта смогли задать интересующие их вопросы о жизни и творчестве поэта-музыканта.

Как всегда, в конце кажется, что час — это так мало... Хочется сказать большое спасибо организатору, артисту и зрителям за теплый вечер и душевную атмосферу. К сожалению, на концерте не велась видеосъемка. Однако, по моему мнению, лучше один раз увидеть живое выступление и окунуться в мир музыки, поэзии, красоты и умиротворения, чем десять раз посмотреть съемку на экране. Приходите на вечера и наполняйте себя теплыми светлыми эмоциями!

*Аня Шенберг,
студентка 3 курса ф-та РГФ*

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ВЕГАСА

ГОС VEGAS – «Скрепляет ваши сердца» - именно такой слоган придумал Коллегиальный орган студенческого самоуправления ИвГУ, который организовал незабываемый праздник всем студентам.

Раз в году настает тот день, когда одинокие девушки начинают рыдать и заедать свое горе мороженым, а те, кому повезло больше, фотографируются со своими заслуженными букетами и купаются во внимании. Да, это 14 февраля – самый романтичный праздник для всех влюбленных. В воздухе витают сердечки, а Купидоны с острыми стрелами поджидают за углом.

В первом корпусе все влюбленные могли сыграть свадьбу, как в самом настоящем американском фильме. Фата и букет для невесты. Галстук-бабочка для жениха, пара колец из фольги, торжество скрепляет «священник» - иностранец с филологического факультета. Успокойтесь, он обычный студент, который соединяет узы «Властью ГОСУниверситета». Выдается даже свидетельство на память! В итоге поженилось с десятком пар, даже библиотекарь Сергей Юрьевич не устоял и женился на ведущей «Устами Студентов» Полине. Толик Пушкина в толстом переплете плакал. Что сказать? Любви все возрасты покорны. А еще рядом можно было узнать будущее у прекрасной цыганки – всего-то вытануть свое счастливое предсказание.

Дмитрий Яковлев: «Я шел из столовой и решил, что если позовут, то обязательно женюсь. Весело же теперь быть женатым».

Анна Нечаева: «14 февраля – чудесный праздник, а теперь стал и особенным для меня. В стенах родного вуза организаторы разыграли свадьбу с моим молодым человеком. Хотелось бы поблагодарить их, что они не равнодушны к тому, что происходит за гранью учебы. Мы счастливы!».

Со школьных времен пошла традиция присылать тайно валентинки а чем хуже университет? Разноцветные ящички можно было найти на первом этаже корпу-

сов № 1, 3, 7. Купидонова почта работала целый день.

В 5-м и 8-м корпусах активно прошло согревание всех сердец. При входе Ангел и Демон раздавали конфеты с пожеланиями, а девушка-Солдат призывала вступить в Армию Любви. А еще раздавались сердечки с номерками, юноши и девушки должны были найти друг друга по одинаковым номерам в течение дня. Самые быстрые получили подарок – ужин на двоих.

А вот традиционный конкурс на лучшую пару, который ежегодно устраивает деканат социолого-психологического факультета при поддержке студенческого самоуправления, решили перенести на 17-е февраля. Три пары прошли сложные испытания. Любимое созвездие, цвет глаз мамы, игрушка детства, размер ноги – это самое меньшее, что вы должны знать про свою вторую половинку. Александр Березнюк признался в любви своей девушке так, что жюри и остальные присутствующие дамы пустили невольно слезу. Эта пара и заняла первое место и еще взяла «Приз зрительских симпатий».

Умиляла зрителей и пара, занявшее 2-е место, с классически запутанной историей любви. Артем Алешин: «Мы учились в одной школе, она мне нравилась еще с 8 класса. Но у нас образовался квадрат, а это сложная ситуация. Я нравился ее подруге, она мне, а ей – другой парень. Но все же мы вместе уже 2,5 года». Алена Кошкина: ««Его мама говорит, что любит меня больше его, потому что я не ленивая и готовлю вкусно».

«И я там был...». Корреспондентка газеты тоже решила испытать чудеса Амура и вышла замуж за первого встречного. Это Гос-Вегас, детка!

Алина Саянкина (Пресс-центр ИвГУ)

4 марта на социолого-психологическом факультете состоялось долгожданное мероприятие – вечер песни «Возьмите кто-нибудь Тюнер», или «Все на слух настраивать умеют». Нам было очень приятно видеть у себя в гостях и другие факультеты. Галкина Алена (1 курс, филологический факультет): «Увидев «Вконтакте» сообщение о вечере песни у социолого-психологического факультета, я не медля решила, что необходимо сходить в гости к соседям. Вместе со студентами социолого-психологического, физического,

биолого-химического и филологического факультетов мы окунулись в невероятнейшую музыкальную атмосферу. Целых два часа веселых и сентиментальных, известных и давно забытых песен пролетели словно две минуты. Под аккомпанемент гитары мы пели песни Стрыкало, Сплина, The Beatles, КИША, Зверей и многих и многих других. Удивили необыкновенное дружелюбие и доброты студентов: нас мгновенно приняли в коллектив! Спасибо за приятно и весело проведенное время, было здорово!»

14 февраля, в честь Дня всех влюбленных, на социолого-психологическом факультете проводилась беспроигрышная лотерея. Предлагались различные задания, главной целью которых было создание праздничного настроения. В качестве сувениров они получали различные сердечки (наклейки, шоколадки). Необходимо было вспомнить как можно больше знаменитых влюбленных пар (подсказка: Ромео и Джульета, Высоцкий и Марина Влади, Бриджит Бардо и Роже Вадим, Юнона и Авось, Орфей и Эвридика, Отелло и Дездемона, Мастер и

Мargarita, Адам и Ева; произнести на разных языках «я тебя люблю», спеть «любовную серенаду»: песни про любовь, светлую, разделенную. Для этого были подготовлены сердечки с первыми строками песен. Необходимо достать сердечко из коробочки и спеть песню полностью или хотя бы первый куплет. Также проводился шуточный тест «Насколько вы ревнивы?» (с вопросами «Что такое любовь?», «Как вы реагируете, когда ваша вторая половинка говорит по телефону?», «Просматриваете ли вы почту или СМС своего партнера?» и т.п.).

28 февраля на социолого-психологическом факультете проводили зиму масленичными гуляньями, пели частушки:

Начинаем петь частушки,
Просим не смеяться:
Тут народу очень много,
Можем растеряться!
Улыбается народ,
Дружно водит хоровод.
То ведь Масленица,
Добра Масленица!

Затем стали вспоминать традиции масленицы, предложили поиграть в ручеек.

Студентки-хозяйюшки Корепанова Евгения и Сибирева Екатерина напекли блинов, которыми угощали всех участников мероприятия.

Катя также накануне из подручных средств масленичную куклу.

Вели праздник председатель студсовета Анна Солодова и представитель КОСС Наталья Попова, которые в заключение провозгласили:

Всем спасибо за внимание,
За задор, веселье, смех.
За огонь соревнования,
Созидающий успех.
Вот настал момент прощанья,
Будет краткой наша речь.
Говорим мы: «До свиданья,
До счастливых новых встреч!»

Завершающим аккордом стало сжигание куклы, которая была пусть и небольшая, но подарила много веселья.

МАСЛЕНИЦА КАК ОНА ЕСТЬ

7

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗИМЫ

Масленица – это озорное и веселое прощание с зимой и встреча весны, несущей оживление в природе и солнечное тепло. Испокон веков люди воспринимали весну как начало новой жизни и почитали Солнце, дающее силы всему живому. 28 февраля каждого года в России отмечается праздник Масленица. Во время этого праздника русский народ счастлив. В России иностранные студенты отмечают этот праздник вместе с русскими.

В пятницу 28 февраля 2014 года мы, иностранные студенты ИвГУ, собрались перед четвертым общежитием, чтоб отметить масленицу. Было много студентов из разных стран мира: Конго, Вьетнама, Нигерии, Сербии, Монголии, Китая, Палестины, Гвинеи-Бисау, Сенегала, Анголы, Кот-д'Ивуара – и, конечно, наших российских друзей. Самое живое участие в подготовке праздника Широкой Масленицы приняли студенты-активисты и преподаватели подготовительного факультета.

Праздник начался с песен, которые пели все вместе целых два часа. После песен студенты начали игры. По ходу действия украшали цветными лентами чудо-дерево и кричали «масленица – символ весны!». Преподаватель русского языка Ирина Александровна Ермолаева рассказывала студентам о масленице, как и зачем она отмечается, чем она является в России. Потом все с удовольствием танцевали и по традиции торжественно жгли чучело масленицы, чтобы попрощаться с зимой.

После энергичной «уличной» части студенты вместе с преподавателями угощались в столовой русским масленичным блюдом – круглыми, горячими и румяными блинами с чаем. Всем было очень весело, звучали шутки и смех. Праздник доставил всем участникам огромное удовольствие и способствовал расширению общения иностранных студентов с русскими, укреплению нашей общей дружбы.

Муанга Огюст

А как вы провели последний день зимы? В эту пятницу в общежитии номер 4 проходил безумно увлекательное, а главное - объединяющее всех студентов нашего вуза событие: первый день реализации проекта «Все вместе». Мы проводили «скрепочный ритуал», примеряли национальные костюмы Вьетнама, попробовали одно из традиционных его блюд, стали мастерами «трыны», поели блины и просто провели денек в хорошей компании, где царил взаимопонимание и поддержка, несмотря на то, что все мы - разные.

Проходящие мимо комнатки, где проходила встреча, студенты с любопытством заглядывали внутрь и присоединялись к нашему мероприятию.

Мы все сели в большой круг и начали просто знакомиться друг с другом, отрывая кусочек огромной разноцветной цепочки, состоящей из скрепок, которая является маленьким символом (Между прочим, еще и секретом.) нашей дружной команды. И если вы придете, приготовьтесь: скрепку следует в конце вернуть, потому что каждая из них составляет частичку чего-то большего, чем просто набор канцелярских предметов. И организаторы очень жадные насчет скрепок! Тем более таких красивых.

После этого таинства студентки из Вьетнама угостили нас всех безумно вкусным блюдом, которое заслуживает самых высоких наград за кропотливую и долгую работу приготовления. (Еще бы, около 2 часов!) Потом мы занялись примеркой традиционных нарядов, и некоторые ощутили себя в роли жениха и невесты. Правда, по признаниям Яны Као, присутствие национальных костюмов можно чаще увидеть на торжественных церемониях или праздниках, чем в повседневные дни.

Не забыл нас посетить и Авимаель Кукубу, который показал мастер класс по «трыну» и был открыт для общения с каждым, дарил свои улыбки и не оставил никого равнодушным. Наконец, мы добрались и до Масленицы и рассказали об одном из самых древних из ныне существующих русских праздников. И наше мероприятие закончилось совместным чаепитием с блинами и теплыми разговорами.

Мария Мельникова

Список литературы, выпущенной издательством ИвГУ и переданной в электронную библиотеку ИвГУ 28.02.2014

Монографии

Павлова М. Н. Наука в художественном мире Эдгара По.
Таганов А. Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920–50-е годы).

Учебные пособия

Лифшиц А. С. Основы управления персоналом.
Лифшиц А. С. Управленческая экономика.
Кроммер Э. В. Современный русский язык. Фонетика. Орфоэпия. Фонология. Графика. Орфография.
Корников А. А. Российская геральдика. Курс лекций.
Куликов В. И. Системный анализ.
Куликов В. И., Куликова О. И. Организационная культура.
Сокова И. А. Разработка и внедрение нового продукта: в помощь менеджеру.
Плетюхина С. А. Бухгалтерский учет в системе «1С: предприятие 8.2».
Шуков В. Н. Экономика инноваций. Инновационный менеджмент.
Шуков В. Н. Основы национальной и региональной экономики.
Вансаяцкая Е. А. Англоязычная пресса.
Шитик Е. В. Бухгалтерский управленческий учет.
Шитик Е. В. Бухгалтерская (финансовая) отчетность.
Корягина Т. М. Налоги и налоговая система РФ.
Голяков С. М. Проектирование локальных сетей.

Сборники статей

Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. Вып. 5 (21). Под ред. Б. Д. Бабеева, Е. Е. Николаевой.

Материалы конференции

1. Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации. Науч. редакторы С. А. Панарин, Д. И. Польшанский.

Методическая литература

Калинина Н. В. Химическая технология
Калинина Н. В. Моделирование процессов и аппаратов химической технологии
Калинина Н. В. Технология важнейших химических производств. Ч. 2
Куликова И. В. Английский язык. Часть 1.
Куликова И. В. Английский язык. Часть 1.
Васильева Т. А. Бухгалтерское дело (для бакалавров)
Васильева Т. А. Бухгалтерский учет и анализ. Ч. 1. (профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях (для бакалавров)
Васильева Т. А., Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях (для магистров)
Васильева Т. А., Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет и анализ. Ч. 1. Планы и задания (для бакалавров)
Васильева Т. А., Грязнова Т. А. Учет и анализ. Ч. 1 (для бакалавров)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет. Планы и задания (для специальности 080801)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет. Планы и задания (для бакалавров по направлению 080500.62 «Менеджмент»)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет. Планы и задания (для специальности 080103)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет. Планы и задания (для специальности 080507.65)
Васильева Т. А., Грязнова Т. А. Бухгалтерский финансовый учет. Ч. 1. Планы и задания (для бакалавров)
Васильева Т. А., Грязнова Т. А. Бухгалтерский финансовый учет. Ч. 2. Планы и задания (для бакалавров)
Грязнова Т. А. Бухгалтерский учет в бюджетных организациях. Планы и задания для специальности 080109
Ситникова Т. В. Персональный менеджмент
Ситникова Т. В. Профессиональные коммуникации
Ситникова Т. В. Разработка бизнес-плана (для специалистов)
Ситникова Т. В. Разработка бизнес-плана (для магистров). Планы и задания
Ситникова Т. В. Разработка бизнес-плана (для магистров). Методические рекомендации
Ситникова Т. В. Персональный менеджмент (для направления 080507.65)
Ситникова Т. В. Персональный менеджмент (для направления 080500)
Ситникова Т. В. Управление затратами
Сокова И. А., Маланчик Л. Ю. Производственный менеджмент. Методические указания к лабораторной работе.
Шуков В. Н. Основы национальной и региональной экономики
Шуков В. Н. Организация инновационной деятельности на предприятии
Шуков В. Н. Инновационный менеджмент
Шуков В. Н. Методы научного исследования экономических систем
Берендеева А. Б. Основы теории управления
Берендеева А. Б. Основы социальной политики
Берендеева А. Б. Экономика. Экономическая теория
Шитик Е. В. Методические указания по выполнению курсовой работы по дисциплине «Бухгалтерская (финансовая) отчетность»
Шитик Е. В. Методические указания по выполнению курсовой работы по дисциплине «Бухгалтерский управленческий учет»
Шитик Е. В. Бухгалтерский управленческий учет
Шитик Е. В. Бухгалтерская (финансовая) отчетность
Курникова И. В., Смирнова Е. А. Корпоративные финансы.
Курникова И. В. Налогообложение.
Сокова И. А. Производственный менеджмент. Планы и задания (для специалистов).
Сокова И. А. Система менеджмента качества. Ч. 1.
Сокова И. А. Система менеджмента качества. Ч. 2.
Сокова И. А. Производственный менеджмент. Планы и задания (для бакалавров).
Сокова И. А. Оценка конкурентоспособности предприятия.
Куликов В. И. Современный стратегический анализ.
Куликов В. И. Подготовка и защита магистерских диссертаций.
Куликов В. И. Исследование систем управления.
Куликов В. И. Стратегический менеджмент.
Куликов В. И. Теория организации.
Куликов В. И. Организационная культура.
Жафярова Ф. С., Журавлев А. Ю., Муравьев А. С. Графические средства в экономических информационных системах. Ч. 1.
Жафярова Ф. С., Журавлев А. Ю., Муравьев А. С. Графические средства в экономических информационных системах. Ч. 2.
Жафярова Ф. С., Журавлев А. Ю., Муравьев А. С. Графические средства в экономических информационных системах. Ч. 3.
Жафярова Ф. С., Журавлев А. Ю., Муравьев А. С. Графические средства в экономических информационных системах. Ч. 4.
Голяков С. М., Жафярова Ф. С., Журавлев А. Ю. Технология оформления магистерской диссертации.
Ерискина Е. Д. Методика преподавания и изучения истории. Научные основы школьного курса истории.
Корников А. А. Подготовка выпускной квалификационной работы магистра (магистерской диссертации).

<http://lib.ivanovo.ac.ru>

ДВА АБЗАЦА ОТ ТРЁХГОЛОВОГО

Первый. И что?
 Второй. Всё как всегда.
 Первый. Одни мурмурствуют, другие берберствуют?
 Второй. Совершенно верно. Одни мурмурствуют, другие берберствуют.
 Первый. А третьи?
 Второй. Третьи немудряще тыртырствуют.
 Первый. А-а... То есть, всё в норме?
 Второй. Как всегда.
 Первый. А с тобой-то мне что делать?
 Второй. Со мной?
 Первый. Ты ведь моё физическое тело занимаешь. Или я твоё...
 Второй. Ты моё. А я твоё.
 Первый. Но ты ужасен! Ты асоциален! Ты не гуманист! Ты меня дискредитируешь в глазах общественности! Ты сломал мне карьеру!
 Второй. Ну да, я эротоман и мизантроп... (после некоторого молчания). Давай распилим себя на общественной пилораме в знак покаяния и примирения.
 Первый (просветлев). Художественно распилим? Или антихудожественно?
 Второй (перебирая ноты, гнусаво поёт). «Всё наше же лицо встречает нас в пространстве...». Давай двойко.
 Третий (появляясь). Трояко. Иначе не одобрю официально.
 Первый (слегка приуныв). Опять на троих...
 Второй (бодрясь). Да ладно. Нас на всех нас хватит.
 Третий. А коллективный портрет в распиле?
 Первый (мрачно). Обойдутся.

МИР № 5. ДМИТРИЙ ЛАКЕРБАЙ

СВЕТЛЯЧОК

...И вдруг сердце дало о себе знать впервые, замелькали вокруг словно тени живые, и провалом в себя жизнь открылась, закрылась... Сердце билось и раньше – куда оно билось? ...Светлячок! Светлячок! Ожиданье, мгновенье – и вселенская тайнопись сердцебиенья! Почему я, ребенок, бегу за тобой – на задворки, в сады, автострадой вечерней, по цветочным бурьянам, слетая к прибору, к океану ночному под звездной харчевней?

...Мать зовет из окошка, сквозь дождик, далеко, шепот шин по асфальту как злые слова, в блеске мокрых кустов без тебя одиноко, светлячок, светлячок... Тяжела голова от вкушаемых ягод, от косточек сливы, пролетающих птиц, перепада высот... Оглушительна грусть воспаленной крапивы! Спела в луже лягушка... Никто не зовет... Царство сумерек пахнет сырою землею. «Светлячок, светлячок...» – а в ответ пустота, только, вздрогнув, сорвется вино грозное с серебристой и жуткой изнанки листа. А листок отодвинешь – темна, как могила, океана безлунная бродит душа... Светлячок, светлячок...

Полусонная сила тянет медленно в гору идти не спеша, не глядеть на русалок, свернуться в калачик, дорезвиться до звезд из холодной травы и увидеть: зеленой светящийся мальчик крутит пальцем у хитрой своей головы, а потом по тропинке с канавой намокшей двое – маленький братец, постарше – сестра, - взявшись за руки, шествуют к дому, и ропщет лягушачья родня, уходя во вчера, и бездонна нора свечеревшего неба, и уже не видать, ты идешь или спишь, потому что есть в мире печально и немо затаенная в сердце бескрайняя тишь да плывущий малыш – на кораблике утлом, с неизменным фонариком в море глухом, и мерцает фонарик, нехитрую утварь озаряя пришедшим на память стихом...

ПИСЬМО В СЕНАТ

Привет высокому собранию!
 Все казнены, кругом восстанье.
 Пока еще живет сознание,
 но горло пробует канат.
 Прибоем пьяным взорван портик.
 Проконсул ползает на морде.
 В грудную клетку вбили орден.
 Я мертв и не приду в сенат.

Младенец вскрыт, Амон доволен.
 Наш мир законно треуголен.
 Кто обезбылен – обезболен.
 (Мой нахтигаль витиеват.)
 Локтями клавиши не бейте.
 Русалку – раутенделейте.
 Сирен сожгите, прах развейте.
 Я мертв и не приду в сенат.

Гребец насажен на правило!
 Жизнь продолжается в дебилах!
 Ключки плащей горят на вилах!
 Рабы о вечном говорят!
 Где стол был яств – отныне гроб там!
 Ареопаг продался оптом!
 Двойник на улице растоптан!
 Я мертв и не приду в сенат.

Закрит я, как письмо в конверте.
 При жизни разум равен смерти.
 И, как мой рост ни гулливерьте, –
 не доставал я до Плеяд.
 Пусть голос мой грызет колено.
 Пусть Буратино гнет полено.
 Злодей – Прекрасную Елену.
 Я мертв и не приду в сенат.

Перемешайтесь с вонью хлева.
 Скормите плоть свою налево.
 Сварите раком королеву –
 а переулком сном объят.
 И кроме Парок нет товаров.
 Больные смертью ждут приварок.
 Довольно триумфальных арок!
 Я мертв и не приду в сенат.

Мне нечем завернуться в тогу.
 Мне нечем тронуть недотрогу.
 Небытие угодно богу.
 Осталась парочка гранат.
 Подсушитесь, херувимы!
 Все после смерти поправимы.
 Прощайте, стойла и овины!
 Я мертв и не приду в сенат.

ИСТИНА

...Потерянный о потерянном не думает – падает, дальше потерянный, глубже загаданный, прочь от разгадки, тусклой, как лезвие, описью праздной, бездной любезною. Сбежав от разлуки, сам станешь разлукою – птицею, круг описавшею в комнате, слов горемыкою с поздними стуками, падая книгами с полок – да полноте, спали с лица или спали с красавицей, узник потери, парящий над папертью? ...Узник-союзник, когда вас касаются пальцы, что вас изгоняют из памяти...

Птица глядит в пулевое ранение, точно в дупло. Добралась, окаянная! Чу – в ванной грозно шумит наводнение. Истина – тварь, с суетой неслиянная. Истина – жуть. Затыкается пробкою. Надо успеть потеряться, почудиться, истиной стать: низкорослою, робкою травкой прикинуться – мамонт заблудится!

Истина! ...Нервные пальцы ломаючи, из рукава прощечечет застенчиво. Явью становится бегство играючи. Любит неистово спящая женщина. Истово любит, когда перепугана. Спит наяву, как Рентген в средостении! Жизнь, как авто, вся разграблена, угнана, брошена! ...Бедствия – в полном цветении!

НОЧЬЮ

...Где нога Твоя ступала на ковровую дорожку, уходящую под кресла, под глухой изгиб колена – полночь скрипнувшего неба, низко-низко вьётся мошка, моросит над стогом сена, мысли призрачная пена... Тихая ночная кошка, в полумраке входишь в стену.

Где нога Твоя ступала – в темноте пасётся время. Я протягиваю руку, я подкрадываюсь к звуку – но шаги Твои уходят, словно призрак в галерее, в монотонную разлуку, в дождевую каплю скуку и стихают на восходе, звонкой плесенью сырея...

Проступает понемногу небосвод чужой планеты, край дивана – и провалы во вчерашнем разговоре... Время прыгает с обрыва в заклубившуюся Лету. Словно в раковине – море, в каждой радости есть горе. И прибой решает ночью, доживать ли до рассвета.

И выходит, будто красть ей, из угла безлунной масти с тихой грацией кошачьей узкая ступня, белея... Ведь любимая есть время, измеряемое страстью, уходящее по тусклой, полной призраков аллее.

* * *

...Далекий родственник в Подольске.
Три лилии в пустом пруду.
И снег, замедленное поезда,
раскачиваясь на ходу.
Темны уголья и безлюдья.
Зачем нам жизнь, когда живем?
До звона злобные орудья,
вздыхнуть друг другу не даем.
И я, затеявшая поиски,
не слышу зова – но за мной
далекий родственник в Подольске...
И поезд ввысь бежит сосной.

Не ждет нас солнце в синей пропасти –
спать мурашками на стволе...
Глубокой осенью в автобусе,
расплесканные на стекле,
темны уголья и безлюдья...
И, палец приложив к губам,
мы в глухомань свою прибудем
к пустым постелям и гробам.
За поворотом нет дороги.
Там дождь встречает без лица.
Далекий родственник...И ноги
Несут слетевшую с крыльца.

И открывается в молчании,
как в ночь заснеженный перрон,
как затяжное примечание
дождя к безмолвию ворон, –
тьмутаракань на склоне лета...
Безветренна, глуха, тесна,
как монотонная карета, –
вода, вся теплая от сна.
И спят в ее ладонях нежных,
черней зарезанных разок,
три лилии, три белоснежных,
сверкая, как дверной глазок.

Далекий родственник, ты грустен...
Глаза восторга велики!
Ломая лилии на бусы,
сплетая длинные венки,
не погибала я, но пела
когда-то птицей у воды,
от жадных ландышей пустела
в краю озерном Увельды...
И наклонившаяся ниже,
к пьянящей теплой белизне, –
и подносимая все ближе,
как тонкий запах при луне...

Изгибы водорослей томных.
Полёты плавные. Умру.
Подводный дом для душ бездомных.
И дождь снаружи поутру.
И кем-то вымыслены клавиши...
И, ливнем переограждён,
заглох автобус, словно кладбище,
лбы прислоня под дождём.
Но не поймет никто, встречая,
как безнадежны эти лбы...

Как холодно моей печали
с угрюмой яростью судьбы.

ИСКУССТВО

...Вином бега и боя сверкает сей бриллиант.
Пожрет ли вепрь Мелеагра – любовника Аталант?
Лихой кавалер клыкастый и гончий бог языкастый –
кто здесь повелитель бойни, кто пущен на провиант?
Искусства олений профиль, косящий безумной астрой,
охотой живет разбойной – двуличен, свиреп талант!

А сердце как Гулливертер: бог выдаст – свинья не съест...
Навстречу ломится вепрь – хрюканье, визг и треск.
Летит Мелеагр-воитель, хмельной головокружитель –
с ним свара веселой своры, птичьих боёв бурлеск!
Поющий копыя стремитель, он ветренный небожитель –
но пожираем блеском, рождающим новый блеск!

...Летит ли душа в железе бомбить город вечером,
слизнёт ли кровь на порезе милая язычком,
котёнок ли ночью плачет – счастливцев поёт и скачет,
лицо под луной маячит крахмальным воротничком...
Мелодия старше смерти – а боль ничего не значит.
Сверкнуть небывалой нотой – и хрустнуть под каблучком!

...И вот наступает свадьба – копыя и кабанья визг.
Глаза у него – карбункул, а шкура – как медный диск.
Елены Прекрасной тело жаждою ран горело –
и сколько героев млело в фонтанах кровавых брызг!
Эдип перед сфинксом хвастал: справлюсь, мол, с Иокастой –
и сфинкс, подавившись насмех, вдруг разбивался вдрызг!

...Жируют на трупах черви, герои сошли в Аид.
Елена играет с вепрем, а Иокаста – гид.
Эдипу сверкает сцена, Алфея сожгла полено,
а площадь полна ослами, и пьеса – инвариант...
Три слова спасут из плена – Искусство, Инцест, Измена.
Нутро пожирает пламя – а дочь поправляет бант.

* * *

...В этот край, где, видимо, нет людей,
по-иному и не попасть. Всё равно откуда
надо путь держать, как песок в горсти, –
просыпаясь, спать и брести, брести
мимо ржавых рельсов, где для дождей
иногда пустая гремит посуда.

Мелкий дождь кустарней, чем клавесин,
чем грибной воришка, шуршащий ёжик.
Листопад задумался и висит.
У деревьев – тьма деревянных ножек...
Провожая сломанный апельсин,
не носи в петлице столовых ложек.

Ничего не делай. Луным-луна.
Пусть совсем стемнеет, пока не вышел
ни большим умом, ни купить вина,
ни под звездный стог на гнилую крышу.
Обломился край, назывался «рай»...
Ничего не вижу и плохо слышу.

Ах вот: горьковат, потянул дымок
сизую спину, что твой котёнок.
Здравствуй, милая. Я уйти не смог.
Пощекочет луч – улыбнись спросонок...
На краю собравшимся под шумок
даже чайный больно свисточек звонок.

Паровозик подан! А кран течёт...
В этот край, где помним себя едва ли,
не заманишь съеденным калачом –
неужели были, но всё скрывали?
...Караулит время и бьёт ключом –
во саду ли дули да трали-вали.

Вот усадьба страсти – пустым-пуста.
Роца, вырубленная под корень.
Обживая брошенные места,
в здравнице памяти пей цикорий,
круши крушину, считай до ста,
вспоминай дурацкое слово «вскоре»...

Застрелив прислугу в пустом доме,
на прощанье двери ухлопал ветер.
Этот край, где, видимо, никому!
Пусть лучам просторней на белом свете...
Нажитое – сердцу не по уму.
Умираешь вовсе – а солнце светит.

Нам неизвестен смысл календаря.
Зима прошла, весна не наступила.
Сожгла лесов дремучие стропила
давно оцепеневшая заря.
Чернеет рукоблудье голых веток.
Лежит дорог мороженная грязь.
Закутав горло ветошью от ветра,
бредёт старуха, к небу наклонясь.

Замызганный, бредёт за нею снег –
как странно помнить белые одежды!
И у калиток тоже скрип тележный.
И различим к концу бредущий век –
все ведра утопив и водоносов,
издох в колодце мерзлого двора,
где, как дубина, воздух стоеросов,
и в нем гниют удары топора.

О вечный дух отхожих общих мест...
Сырой проказой съеден, скалит город
гнилые зубы зданий и заборов,
и свист прекрасный ломится в подъезд...
Вонючий мрак парадного подъезда.
В блевотине молящаяся дочь
такого беспросветного уезда,
что добрести на свет уже невмочь...

И я вернулся так, как снег летит,
и пригород родимый мне по росту.
Невесело узнать свой перекрёсток:
исчез колодец, и ветла скрипит,
забор поломан, вырублена вишня,
приземисты чужие и свои...
И ничего душе моей не слышно –
ни музыки, ни жизни, ни любви.

Приходит к нам чужой безумный сон –
десятилетия кавалькады пестрой.
А где-то рядом счастье в боли острой
придуманных причин, пространств, времен...
Столетия разрытая могила.
Играют дети в ранах пустыря.
Проходит жизнь. Весна не наступила.
Нам неизвестен смысл календаря.

* * *

бросила придуманное слово
сжавшись я спросил докуда ты
разве я цветок или корова
чтоб жевать последние цветы

если жизнь не битая посуда
кто разбил русалочьим хвостом
если ты не бабочка докуда
мне не хватит горя и цветов

чтобы в непрестанном умноженье
пораженье не воображать
надо поражать воображенье
и бежать бежать бежать бежать

но однажды твёрдыми слоями
счастье и несчастье только вой
моря с перебитыми краями
дат на вечной урне гробовой

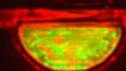
сжавшись до безруко безголово
пропадая приносил цветы
позабывтый там докуда ты
бросила придуманное слово

БОГУ

Есть ты или нет, ни к чему топтать –
Не по чину мне на тебя роптать.

Полон ты иль пуст – я живу плющом:
Зацепился, вытянулся, ещё.

Постижим иль таен – но скоро мне
Без следа журчать снегом по весне.

...О пыль луча в вечернем кинозале!
Орфей, когда проснешься лучезарен,
темни душой – пусть всё играет мимо...
Качай, дремучий поезд, пилигрима,
трещи по швам, прекрасной белошвейки
наряд и белозубое «прости»...
Люби цветы и поливай из лейки,
пока не вышла известь извести,
пока не вылез грозный папа Карло
под деревянный хохот Буратино,
пока впопыхах злобно и коварно
Мальвина не сгнила и вся картина.

Когда стучатся в дверь и окликают,
когда в глазок знакомо скалят зубы –
не открывай! То призраки мелькают.
То времена, как снег, идут на убыль.

Темни душой, Орфей, прикинься спящим,
запутай след, забейся в свой орнамент –
ты зеркало! ...Из-за цветов кричащих
выходит вдруг лица чужой пергамент.

Выходят в картах ночь и месяц в тучах.
Выходят глупый Блок и мудрый Вертер.
Выходит сердце за грозой певучей –
но небо на рассвете пахнет смертью.

Очнись, Орфей! Твой облик запустелый
с толпой менад и фей скакал по лугу...
Но на рассвете, бледное растение,
УБЕЙ ИХ ВСЕХ – и запали округу.

НЕМОЕ КИНО

...Над клавишами кресел вырос киноглаз,
и я сыграл на свет из метрополитена.
Нагрывший трамвай. Наехавший анфас.
Растерянная смерть бегущего шатена.

Как зеркало-зеро, меня зажмурил век.
Не начался роман, оборвана поэма...
Как быстро гложу я, погибший человек,
маньяк глухонемой, внук капитана Немо!

Завёрнутый в брезент таинственный певец!
Как порох огневой любимец кинокадра!
Линкора залп – лица плеснувший образец!
...Но по лицу, дыма, уже идет эскадра.

Ни звука сквозь стекло... Попав под объектив,
ржет беспризорник, рот беззубый разевая.
И сонная мамзель раздвинула штатив
глухонемой толпе, штурмующей трамвай.

Давно похолодев, на площадь выхожу.
Как странно тороплив я был в начале пьесы!
Сын лейтенанта Шмидта. Будущего жуть...
Стяни на горле шарф, когда завоют бесы.

Рвани на свет дыру в экранный полумрак!
Пикирующий звук из дебрей негатива!
Джоконда-офицер, овчарки и барак.
...На площади – зима, как пленка из архива.

Вплывает луноход, воды набравши в рот.
Сигналит пеплу «стой!» глухая пантомима...
Так нашей немой историей орет.
Но речь, заделав течь, – уже непоправима.

ОСЕНЬ

Усталый раб трудов обезьяньих,
гляжу с дивана, где мы гостили...
Праздник солнечного сиянья.
Плавный собор лучезарной пыли.
Где-то везёт Тебя скорый поезд.
В комнате жду, как в Твоей Отчизне...
Поясними, Ипполита, пояс.
Стань золотистая осень жизни.

Не наяву, так в уютном кресле
сядь, обнажённая, словно в море
смотришь Ты, ветер волнует если
волосы ветреной Терпсихоре,
кружит миры, улыбаясь танцу,
хочет у ног замереть навеки...
Узкой ладони теплом останься.
Родиной стань, где смежаются веки.

Как мне тепло на Твоих просторах...
Ясная осень сквозит дарами.
Солнечно в нашем приходе скором,
в нашем уходе не за горами.
А за порогом – ничья дорога,
тайная даль лучезарной грусти...
Видимо, Ты – всё же имя Бога,
вдруг посетившего захоlustье.

ОБЛАКО Элегия

...Как ты могущественно, облако,
Когда над слящей жизни прочерком,
Мирам подобное подорванным,
Самоубийцей-полуночником
Привидишься, необитаемо,
Или, задев окна окраину
С трудами, горем и вокзалами,
Стоишь бессмысленною тайной –
Любви покинутою залогом,
Её молчаньем...
Несгораемо,
Превыше сердца, глубже ока.
Душа с глазами чужестранина.
Пустое зеркало истока.

...Как ты могущественно, облако,
В пугливой утренней тиши,
Когда роса вещее обморока
И незапамятная даль души
Подобна стираемым полотнищам
Знамён развеянных полков,
А потайной её альков
Бесстыдно вырван и трепещет,
Как срам, прибитый на двери
Рассудка штык-ножом. Полощутся
И гибнут сны-нетопыри...
Смутна, повинна, безгранична,
Душа с глазами чужестранина
Пуста, как зеркало внутри.

...Как ты могущественно, облако,
Что даже в сей пустой душе
Изменчивых несчастий колоколом,
Пожарищем и голошеньем
Беззвучно высишь всплески рук...
Подруга сгинувшая? Друг?
Закатом грезивший подросток?
Как просто, облако, как просто
Мы расстаёмся навсегда
С былым собой, любовью, снами –
Всем, что однажды стало нами,
Но безнадежно, как вода!
И лжив приобретённый опыт.
Ведь остаётся только шёпот.

Так, поворачивая зеркало,
Пустым расплачется душа...
Как ты могущественно, лес колонн
Перебирая и кроша,
Переходя от света к линиям,
Учерчиваясь никуда,
Где безысходно властелины мы
Не этой грузной жизни глиняной,
Не этой боли и стыда,
Не этой... Ищем единения
Всей обречённостью вражде,
Всей неизвестностью парения,
Всей силой веры и творения,
Всей раболепностью нужде!

...Как ты могущественно, обвлако,
Над разгоревшейся зарёй,
Когда, ветвясь скрещее проволоки,
Всё хорохорится за роем рой
И, поворачивая зеркало,
Шепчу я призракам: «Постой!..»
Но отблеск глаз моих, ловитва,
выцвел,
А гроб страстей земных поваплен.
Вопия
В руинах сна, который звался «я»,
В невыносимом храме бытия,
Самих себя ужей и ложней,
Но и самих себя безбрежней,
Чем явственней, тем невозможней –
Что делать нам с пустой надеждой,

С тобой?.. Великим взглядом зверя
Мимо себя и мимо нас
Глядит природа – но, не веря,
Душа всё ищет в поздний час,
Когда стемнело, призрак света...
Невоплотимая планета,
Никем не свито, не оболгано,
Ничьей судьбы не предрешив,
Как ты могущественно, облако,
Надмирное в ночной глуши,
И лишь с тобой в минуту горькую
Безвиден взор, безгласен глас –
Как будто ты есть кто-то, облако,
Кто слышит и прощает нас.

НА СМЕРТЬ КОТА ФИЛЬКИ 1 ДЕКАБРЯ 2000

...Когда задерживалось солнце у ворот –
не зазвенит ли где ледок расколотый? –
и закупало синеву вперед
полупрозрачное березовое золото,
когда весь прочий лиственный народ
уже ждал в крематориях заката –
я перекапывал лениво огород,
возил червей блестящею лопатой.

Ты рядом воду пил из бочки жестяной,
напрягшись исхудалым старым телом,
потом лежал, шел к последним солнечным пределам,
поскольку, встав, не стал скрести кору,
лишь раз стрельнул зрачками по двору
и, подойдя, сказал:
«Как видишь, я умру».
Потом, подняв лицо усталой маски:
«Найдется для меня немного ласки?»

Что ж, перерыв. Работа тосковала...
Я скрыл на время земляной вокзал,
колени отряхнул и взял
тебя на ручки, как младенца годовалого.
Вся пламенела неба бирюза.
Как тени золочёные ничьи,
струились от берез воздушные ручьи,
сквозили зноем раны-рестораны,
звенели смехом на воде катамараны,
и даже божий храм, как оживлённый кит,
бросал серебряные крестики в зенит.

Мы не были друзьями – но котёнком
ты мною был в лукошке привезен...
Года гремят пустой водоворонкой,
а мы влачим один и тот же сон.
Владея франтовато человечьим
или кошачьим, целеустремлён
неисцелимый обитатель речи –
прыжок на стул, на стол, отцу на плечи,
на дерево, на небосклон
сарая –
о солнцепёк, блаженство, полдень рая! –
весь день глядишь на плеск и лукоморье,
шнырянье, хохот, взвизги, паруса...
Но, как сказал историк, жребий горек.
И вот вам лучезарных полчаса.

...И я держал тебя в руках, как собственное сердце,
и говорил как теплая и маленькая смерть,
и задыхался, словно с чёрным перцем
была земля и обжигала твердь,
слезясь, ходил по небу обжигала,
переезжали черви без лопат,
ждал перерыв, работа тосковала,
сарая угол угловат,
и я смотрел твоих зрачков нездешние пейзажи
с водой и лодками, и понимал без сил:
мы умираем заживо.
Никто нас не произносил,
а завернул в тряпицу на морозе,
когда земля звенела под ногой...

Слабо глядеть в лицо метаморфозе.
Да и лопаты не было другой.

ТЕЛЕФОН

«Жизнь устроена так глупо! Чем доступней связь –
Тем безумнее разлука, - думал он, смеясь. –
Чем разлучнее безумье, тем оно верней,
Тем роскошнее Везувий с кроней до корней,
Тем пронзительнее свисты бомб – и поутру
Сок граната льют арфисты. Ладно, я умру».
Ладно, лавовые бомбы. Ладно, небосклон!
Прячет, словно катакомба, голос телефон...
Почему нельзя сварганить новый организм,
Чтобы цвёл телефонизмом каждый катаклизм?
Почему срывает дверцы, статуй рушит ряд?
Почему так рвётся сердце прямо в пеплопад?

Жизнь устроена так глупо... Третья тыща лет.
Тень утроенного трупа. Пепел. Слепок. След.
Ни следа на мелкобесье от счастливых дней.
Городское мелкобесье в зареве огней...
Я любил так долго! ...Стола стала часть стола.
Я любил так долго, что и – ненависть прошла.
...Шепчут губы, лупят танки, брызжет сок гранат,
Губру, зардалу и танду злобен патронат.
Это будущее? Ждите. Вот Ваш телефон.
Тот же номер, те же нити, тот же небосклон,
Тот же жар в зените! Только –
никаких чудес...
Вызвенелый незвонитель.
Равнодушный бес.

АТЛАНТИДЫ

соната

1.

... Я на ухо шепну Тебе у моря
В вечерний час, когда мы силуэты:
«Поэзия – сгоревшей жизни горе,
Раскрыленное в чаек пируэты».

Ты улыбнешься мне – и не ответишь...
Нигде ответа, здесь Ты – или раньше
Тебя не встретил тот, кого не встретишь...
Нигде ответа, сблизившего дальше.

Я чувствую Тебя – как будто ветром
Из двусторонних плесков сердце студишь...
Но горизонт сияет буреметром,
И Ты уже не будешь... Или будешь?

Поэзия – сгоревшей жизни полночь,
И с двух сторон со смехом откровеньи
Перебеганья рук из тела в волны,
Передвиженья берега вдоль пены.

Расплещутся руины и арены,
Аукнутся невидимые дети...
Я на ухо шепну Тебе: «Мгновенна...»
...В последнем – догоревшем – силуэте.

2.

...На берегу бессмысленных желаний,
В виду полуразрушенных строений
Мы встретимся не нашими телами
Бродить среди приливных наслоений.

На берегу бессмысленного моря,
Под струями трепещущего сора
У ветра, полумертвые от горя,
Мы спросим посредине разговора –

Что стало с Атлантидой лучезарной?
Где города, сошедшие с картины?
Где летний полдень с площадью базарной?
Дворцы и храмы, свадьбы и крестины?

Прыжок дельфина, возглас nereиды
и берег детства, звонким смехом полный?
... Две амфоры, мы ждем среди руины –
но сумерки вокруг, вино и волны.

3.

...И в равнодушно-ласковой истоме
вдруг кто-то гасит свет в усталом доме,
включает, гасит снова, нудно, нежно,
беззвучно, упоительно, безбрежно,
постыло, сладко вечность расхищая
в размере волн, объятий и прощаний.
И нет начала, равно нет возврата.
И нет сознанья, равно нет забвенья...
Так мы царим, как вечная расплата
самим себе за дерзкие мгновенья.

Час отсыпать песок шептаньем в ухо
и досыпать вдвоем в глуши ореха,
аукаться над лабиринтом слуха
и свечереть до плеска, словно вежа
к той вечности, что сумрачно и сухо
доносит моря медленное эхо...

Я на ухо шепну Тебе: «Огонь там».
Ты нарисуешь беспокойство тени...
Поэзия – сгоревшей жизни контур,
Последнее из всех исчезновений.

4.

...В похолодевшей темноте рассвета
беззвучней губ в бледнеющем повторе
бессмысленно чисты кончина лета,
душа – и непомерный жемчуг моря.

Никто не знает, с нами что случилось.
Никто не знает, чтолучилось снами.
Никто не знает следствий и причины.
Светает – а никто один не знает...

Вот мгла и ветерок редчайшей тканью
затягивают песню без возврата.
В часах песочных зреет мирозданье.
Утрата. Ветерок и мрак...
УТРАТА.

5.

...Остаться лучше в сумерках, алея,
Разменивая золото на олово!
...Поэзия – последняя аллея.
Листвы сгоревшей пепельные волны.

Не улучшить хотений влажной тени,
Что выжимает волосы и спрашивает...
Не отличить от пляжных полотенец
Далекие тела – быть может, наши.

И снова соль объятий над веками.
И снова из-за моря тянет адом...
А в тихой пустоте под облаками
Разводит руки спелый виноградарь.

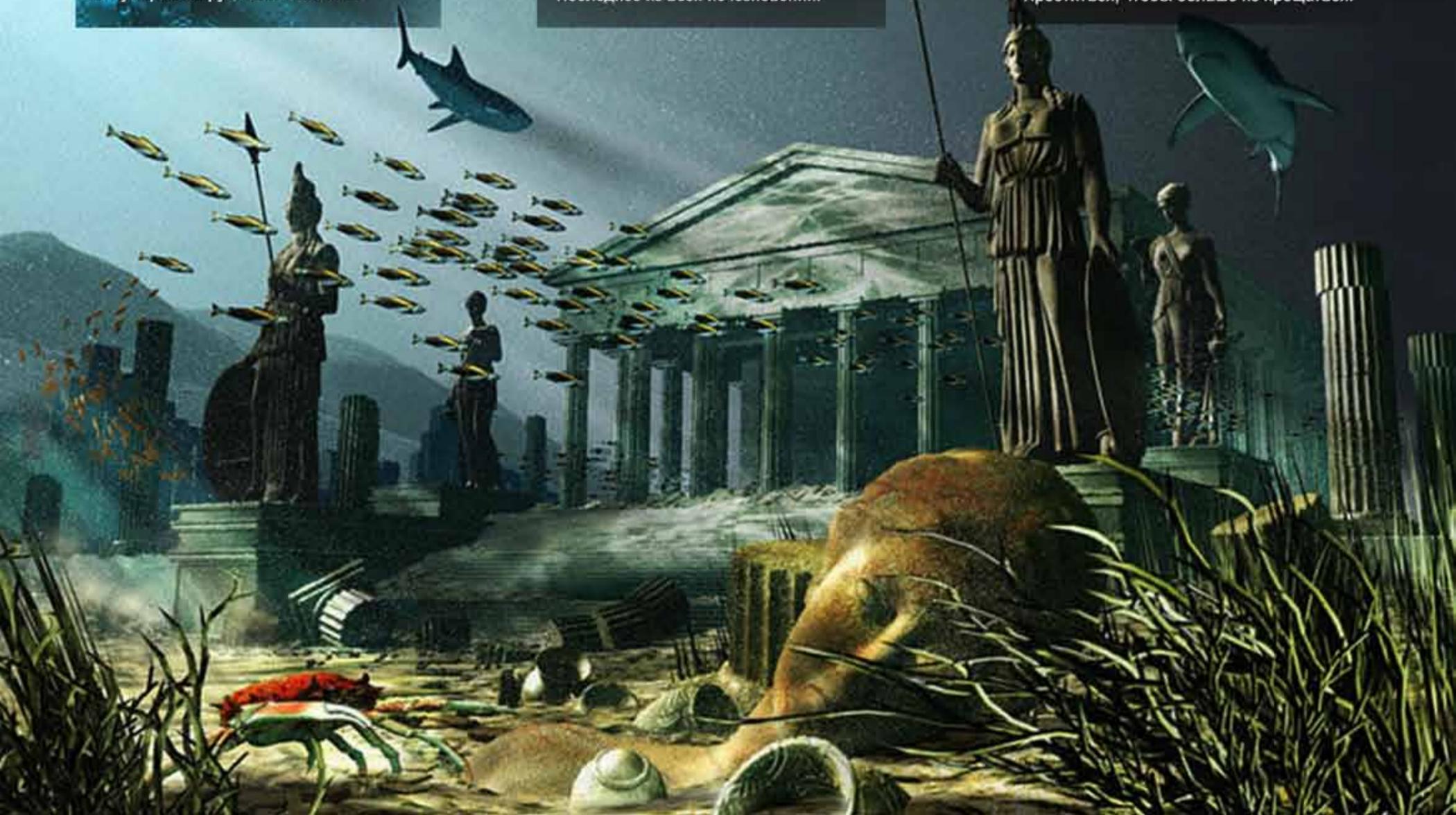
А часом раньше будто жизнь былая,
где ликованием воздух раззадорен,
где чайки над плывущими телами
и взмахи рук в закатном коридоре,

и скользкий волнорез, и ног мельканье,
и длинный злой язык Цирцеи местной...
Вдали ездок промчался на аркане,
плененный тем, чье имя неизвестно.

А часом позже маковая местность,
За морем гибель яркого величья...
И над последней мыслью бессловесной
Мучительные стыннут безразличья.

Все зрители закончились. Все тени
в объятиях ленивого дракона.
Скрывают город сумерки растений.
Белеют камни, как Лаокооны.

И, задыхаясь шелотом без уха,
Кончается, уходит истончаться
Минутка –
Для оставшегося глухо
Проститься, чтобы больше не прощаться.

ГАЛЛЮЦИНОГЕН

Я знаю сам, что я портрет
неуловимых бед,
которых странно и смешно
рассматривать на свет.

Витиевата речь-змея
лишенных бытия.
Напоминает в крапе течь
отечески края.

И если что еще поет
мой искривленный рот,
то это пёстрая тоска,
пьянящий кислород.

Все 35 пронаблюдав,
как душит нас удав
длиною в прожитую жизнь,
смеюсь я, угадав,

что этот каверзный вокзал
не помнит, что сказал,
что эту пепельницу лет
сам в небе вырезал,

что эта быстрая толпа
недвижнее столпа,
что эта истина моя
стара, глуха, слепа,

что в воздухе полно акул,
и, чем страшнее гул,
тем неизбывней тишина,
срывающаяся с губ,

и если что еще поет
мой искривленный рот,
то это память о Тебе –
слепому перевод

через дорогу в окоём,
где пашем и куём...
Но, белым снегом ослеплён,
Гомер бредет чутьём.

О этих зрячих торжество
сквозь наше ничего!
Иголку в нитку продевать,
морочить естество,

не просыхать среди камен,
узнать среди измен,
хранить, как старый партизан,
свой галлюциноген!

...Весь мир захвачен. Там отряд
таких испепелят,
что боль сама несет туда,
куда макар телят.

Повсюду ловят тайгерфиш
(а Ты, наверно, спишь...),
пыль убирают по шкафам,
чтоб не чихаламышь,

каштаны носят из огня...
Какая-то родня...
Но я отсутствую. Есть Ты –
убравшая меня.

Я знаю сам, что я фантом,
ревуший под мостом
в базарном грохоте реки,
зазубренной винтом.

Я знаю сам, что я никто,
уклюжий конь в пальто,
улыбчивый на тех лугах,
где девушки гуртом.

Я знаю сам, что я обряд,
исполненный стократ.
Но если нет меня – меня
уже не повторяют.

В конечном счете я – народ,
укрававший бутерброд.
Зачем кривится в темноте
мой искривленный рот?

...В окно киоска для раззяв
на улице Гюрза
сопливый маленький дебил
пытается сказать.

Дрянная жвачка как магнит,
но речь родная спит.
И только судорога рта
на празднике обид.

Шипят в киоске повторить –
вам пить или курить?
...Ты догадайся. Он уже
не может говорить.

ПЛОТЬ

Чему учит нас плоть в разрезе,
В разможенье, в разрыве, в распиле,
Мёрзлой кровью на зимнем железе,
Склизью пальцев в придонном иле?

Чему учит нас плоть в распахе
Распотевшей сладко страсти?
Чему учит нас плоть в рубахе
Красоты, наготы, счастья?

Чему учит нас плоть? Неясно.
Звёздный чирей горит над лесом.
И опасно желать, опасно
Торговаться с богом и бесом.

Юный ангел из музык соткан,
Пересмешник, не верит боли.
Старый ангел сродни сироткам,
Заблудившимся в голом поле,

Где морщины, хрящи, провисы
Проводов, где искрит устройство.
А в глазах ещё пляшут лисы...
Здравствуй, подлинное изгойство.

Не промерен в ума разрухах,
Не изжит в упорной работе
Провал между плотью духа
И неистовым духом плоти.

Он зовётся тобою, мною,
Небом ширится, прирастает –
Между чайкою и тюрьмою,
Что однажды могилой станет.

Регистратор чужих конвульсий,
Врач, привинчен к моментам этим,
Просто выйдет, вздохнув, на улицу –
К гаму, воздуху, семье и детям.

* * *

...20 000 градусов мороза. Президент
Отключил солнце, чтоб детишки мёрзли
И боялись темноты, на уроках не ёрзали,
Чтобы орган бдительности стоял везде.
Чтоб, когда с его милостивых ладоней
Наконец прольётся живительное тепло –
На хрустящих лугах изоржались, как кони,
Искатались от кайфа спинами о стекло.

20 000 градусов мороза. Где-то в эфире,
В запредельных сияющих высях Валгалл,
Скачет он, суровый, на верном Фенрире,
Чтоб никто не вякал, не крался, не лгал.
Эта штука посильнее фаустпатрона...
Жалко, сломан личный фаустолёт.
Мы ползём по брегам Танаиса и Ахерона,

...Гай Светоний Транквилизатор Старший,
легионы СМЕРШа гноя на марше,
постарел, устал - наяву, в бреде ли,
Позвенел в металл - и послал цидулю.

О ту пору в Риме закрылись термы.
Отскребались потеки засохшей спермы.
Но цидулю вез не сюда, а дальше,
тридцати трем женам, любимый мальчик.

А на самом деле заветной тропкой
он спешил к Нерону походкой робкой.
Император спал. Пахло винной пробкой...
Но сказал, играючи нежной попкой:

«Я ценю, Светоний, твою цидулю.
Дорогого стоит мужская верность.
Жаль одно - ты умер. Не то б раздули
мы светильник страсти на всю поверхность.

Я мечтал: приедешь, поставим пьесу.
Буду петь я; ты - подражать Зевесу.
Заведем Сатурналии, трахнем фурий.
Говорить будем о литературе.

Но увы, умирание слишком длинно.
Мессалина вышла... Что Мессалина?
Содрогаясь в криках на теле вскрытом,
не соперник Зевсу небритый ритор.

Только лишний знает наш ад маргинем.
Чей-то жребий вынем, как свой покинем?
Принесет мой раб твой язык бескостный...
Христиане скажут, что день, мол, постный.

Потому, любимый, их ждут мурены.
Победила дружба под свист арены...
Мне тоска, Светоний. Сижу забытый.
Богу верить можно - пока он сытый.

Виноградник, форум, стило, когорты –
на столе луч солнца в сиянье мертвом.
И трирема шумно растёт на верфи...
Ты устал, писатель. Ты хочешь смерти.

Видишь зной и мрак у дверей в растворе?
Лучезарен полдень. Мemento мори.
Ничего не будет. Квириты квиты.
Я просил богов - но гонцы убиты.

Ты молчишь, Светоний. Ты, верно, запил.
Человек, мой друг, - просмолённый факел.
Что же ты, мой свет, немотой изранен?
Хорошо горит даже христианин.

Так и я, и Рим – обнажая чувства,
мы умрем, пылая за честь искусства!
Всё войдет, как в море, в свои увечья –
кроме доблести и красноречья.

Как базарный гул, пламенеет рана...
Чья-то кровь во рту... Крик «убей тирана»...
Твой подарок плачет у врат Аида –
он не помнил строчку из Еврипида.

Времена что гуны – грядут упрямо
из центурий Мишеля де Нотр Дама.
Христиане лижут кресты, тупея...
Помнишь, брат, как ты убивал Помпея?

Заполнял он в гневе собой равнину!
Похвалялся - заставит нас жрать конину!
...Все убили всех, и довольно резво.
Плащ на голову, и - ты его зарезал...

Божий меч с небес мы встречаем грудью.
Навсегда пойми - нам никто не судья!
И, когда войдет в Геркуланум Гекла –
как Помпеи, скройся плащом из пепла».

С бороды обламывая сопли и лёд.
Вертухаи ленивые на глубину афедрона
Принимают ставки. Кому-то прёт.

20 000 градусов мороза! Три зуба
За один вяк – а ты радуйся, не плошай.
От барбоса на снегу – жёлтая роза.
«На морозе не жизнь, а сплошная лишай!»
«Не шуткуй, голуба, – вона с телевышки
Всё слышать», - и зуба блеснёт слюда...
А вокруг забытью ни дна ни покрывки,
Съеден скот и ягода, потырены провода,
Отморозки бродят, как шатуны-мишки,
Усыивается ящик, иссыхают города,
Снег идёт, как крошки сухой коврижки,
И уже не кончится никогда.

РЫБАК И АРФА

Сидел рыбак с удою над лункой во льду –
С пустым лицом, с худою улыбкой в бороду.
Прибойным пеношипом, змеищами в овсе
машины совещались на тающем шоссе.

«Не ловит и не шарит» - был общий приговор.
«Он попросту клошарит» - сигналил фарный взор.
«Льёт ледяные пули». «Пьёт ледяные люли».
«Таких мы, Ваша Пьезость, немало даванули».

Сидел на речке Пьеза рыбак без топора.
Одна уда гнушалась войти в триумвира:
Вода, и рыбы шалость, и дерганья уды.
Такая вот аскеза. Такие вот труды.

А вот была бы арфа – сыграл бы и завлёл...
А вот пришла бы Марфа – вообще на дно залёл...
А так рой шурф от шарфа, склоняй свою звезду...
Сидел рыбак без арфы над лункой во льду.

Сидел рыбак-арфоид у берега реки.
В глазах теснилось лето, сгорали светляки.
Любовь, как планетоид, звала в тартарары.
Тянуло Тезтета в подлунные миры.

Сидел с улыбкой арфа у самой полыньи.
С замёрзшими ногами он созерцал свои
Замёрзшие потуги сойти на нет к лицу
Осмысленной вселенной, присущей мудрецу.

Когда звенела арфа – в любви, в туман, в бою,
Когда сползала арфа в глухую полынью –
Уж вечерело. С шипом шушукались авто –
Над мнимую рекою, где не сидел никто.

Чему смеялся я сейчас во сне?
Джон Китс

...Себе приснился я в далеком сне у моря –
так много лет назад, что не моим был сон.
Там детство шло – как фильм в стотысячном повторе.
Песок пересыпал я. Он был невесом.
Еще я прятал тень, как звуки в разговоре,
и камешком стучал о камешек. Волна
несла меня, как мать, в шептало сне у моря,
учила обнимать, расшежив пелена...

Себе приснился я потом – но не был понят.
Волна лила песок ладонями. Несом –
сначала на спине разубранного пони,
потом за школьной партией гвалта колесом,
потом впадая в пол, в бутылочку, в подполья,
в разбухшее железо вышек постовых –
туманным утром там, где ночью дождь уколья
на ужасы сосны менял под крик совы...

Неслась коляска дней, мужское снилось в женском –
в весенней пляске с ней, в соцветии стихов.
Но то была дыра в сортире деревенском,
торчащем среди звёзд и спящих лопухов.
Но то была такая сладкая малина,
что столько снов никто не в силах превозмочь...
Но тот, кто видел сон, под кем скользила глина,
проснувшись, закричал! И наступила ночь.

Кто может знать, когда от будней раскалённых
повеет злая гарь, в аду ли нарезном?
Себе приснился я в глазах, слегка влюблённых
в то, кем я мог бы стать, когда бы не был сном.
Себе приснился я в стволе возвратом пули,
бессонник бесноват, крутясь к истоку сна...
Но обманули дни. И ночи обманули.
Никто не снился им, тасуя имена.

Сон жизни пролетел. Ничто не наступило.
И, прислонясь к стене сквозь шумный коридор,
не понимает я, о чём оно забыло,
куда и с кем ведёт случайный разговор.
Сто книг и сто смертей тасуя без заботы,
оно обман и тлен. Оно тлен и обман...
И сонмы глазолиц вокруг щебечут что-то.
Разрезы пёстрых птиц. Улыбки марсиан.

А мнится: сотню раз, в ночи заледенелой
трясаясь куда-то, взор устав вперять в подвал,
пытаюсь отдышаться. Стекло не отпотело.
Сон жизни пролетел. Я не существовал.
А мнится: огурец ночная стрелка режет,
дыхание всё реже – но полные края
бездонных мук, которым за их зубовный скрежет
пред вечной тьмой на миг себе приснился я.